

ЭЛЕОНОРА ЛАЗАРЕВА

Горничная

Эллеонора Лазарева Горничная

<https://litres.ru/73498604>

SelfPub; 2026

Аннотация

Была русской с крепкими московскими корнями, а стала англичанкой из бедной семьи.

Перемена места, времени, тела сказывается на существовании человека, который в один момент жизни вдруг переносится не по своему согласию и желанию.

Героиня этого романа перенеслась в тело молодой горничной в девятнадцатый век в викторианскую Англию. Её удивлению не было предела - как, почему, за что? Но надо было жить, так как того требовали обстоятельства. Все вокруг было странным и беспокойным.

Это еще хорошо, что она в совершенстве знала английский!

Эллеонора Лазарева

Горничная

Художник картинки – Натали Корэнт – https://author.today/u/natalie_currant/posts

ГОРНИЧНАЯ

Бытовое фэнтези

Глава 1. Пролог

За окном было влажно и сыро. Осень входила в свою вторую половину, когда погода ежедневно остается серой и дождливой. Это было видно по поникшим последним осенним листьям кустов и деревьев, что росли напротив. Старая худая кошка сидела под скамейкой и вздрагивала от каждой капли воды, что падала время от времени на её спину. При этом она встряхивалась и мотала головой, освобождаясь от мокроты. И такое во всей этой картине было отчаянное настроение приближающегося конца, что сердце сжималось от предчувствия смерти.

– Скоро зима!

Пожилая женщина смотрела на бедное животное и ей чудилось, что та и есть сейчас её копия, что так же никому не нужна и также одинока в своей старости. Кошка, будто услышав её мысли, взглянула на окошко первого этажа откуда на нее смотрели старческие глаза, тут же вновь встряхнулась, будто отгоняя от себя дурные мысли человека, и вышла из-

под скамейки. Она направилась к подъезду, будто по призыву о помощи то ли себе, то ли той, что напротив. Но она не знала, что та не сможет ни в чем ей помочь – ни накормить, ни пустить погреться. Её старое больное тело, почти вросшее в коляску, не двигалось в последнее время, руки безвольно лежали на подлокотниках и пальцы еле шевелились. Женщина со вздохом прикрыла глаза:

– Прости меня, кошка, – чуть слышно вслух произнесла она. – Не могу, увы. Сама нуждаюсь в помощи. Особенно сегодня. Слабость, как перед смертью.

Она еще раз вздохнула.

– Как быстро прошла жизнь! – мелькнула мысль. – Еще совсем недавно была молода, полна сил и энергия была ключом. А сегодня развалина и старуха одинокая никому не нужная.

Она открыла глаза и перевела взгляд на картину, что висела напротив. На ней она молодая, в красивой широкополой шляпе с загнутым краем, и несколько высокомерным взглядом больших зеленых глаз. Когда-то подруга-художник нарисовала её и подарила на день рождения.

– Кажется, мне тогда исполнилось тридцать? – тихо сказала вслух. – Или двадцать? Уже не помню... – скуksилась она.

Было время, когда молодая, красивая, знающая себе цену впервые показалась на пороге редакции московского издательства с красным дипломом факультета лингвистики МГУ. С великолепным знанием английского языка, по зна-

комству, устроилась младшим редактором в известнейшее на всю страну предприятие книгопечатания. Здесь из типографии также выходили популярные в то время журналы и периодика всех направлений. Её устроили в отдел переводов английской художественной литературы. Там же она и просидела до самой пенсии. Потом, уже позже, освоив и компьютер, все еще работала на переводах, получая особые заказы разово, но хорошо оплачиваемые. Так что, несмотря на своё небольшое пособие от государства в виде незначительной пенсии, она смогла жить спокойно и не зависеть от случайностей и перебоих в денежном содержании. Даже смогла оплачивать прислугу, которая в данное время уже постоянно жила в ее большой московской квартире в центре столицы. Старые дома, все еще хранившие шорохи далекого прошлого, умиротворяли её, давали вкус и настроение при работе и в свободные часы, когда она, сидя у камина, который давно не топился открытым огнем, а представлял собой теперь лишь инсталляцию, читала или же вязала свои нескончаемые кружева, так просто, для мыслетворчества. Её давняя прислуга, которая работала уже более двадцати лет, иной раз продавала их, когда хозяйка отдавала той либо в подарок, либо оставляла в корзинке уже готовыми на выброс. Прислуга охала по-бабьи на такое транжирство и забирала себе, обязательно уведомляя об этом хозяйку. Та, только руками махала, мол, забирай и не спрашивай!

Теперь же, после инсульта, она не могла ходить, не могла

заниматься любимой работой и сидела целыми днями перед окном, всматриваясь в картинку современного мира. Там виделись люди, спешащие по своим делам, машины и дети, а еще молодящиеся старушки на той самой скамейке под которой теперь сидела кошка вся мокрая от мелкого осеннего дождя.

Женщина тяжело вздохнула и прикрыла глаза.

Дух в квартире с бронзой и коврами, стоял затхлый, тяжелый, и пахло, как обычно пахнет в комнате, где живет больной старый человек.

– Скоро придет Александра и откроет окна, – почему-то подумала она, и сердце как-то странно замерло. – Просто душно.

Когда-то она не вышла замуж, хотя имела много предложений, и поэтому сегодня была одинока и покинута даже подругами. Не потому что они сделали это специально, а потому что уже одни ушли за порог этого мира другие же были так стары, что не выходили даже на улицу, проводя, как и она, свое время перед телевизором или окном. Да, у нее был телефон, с которым она когда-то не расставалась с утра до вечера, но с тех пор, как оказалась в инвалидной коляске и при том едва разговаривала после инсульта, тем девайсом перестала пользоваться. Так что и последнее средство связи с миром прекратилось.

– Ни работы, ни мужа, ни детей! – тяжело вздохнула она. – Так и прошла моя жизнь. Одинокая старая дура! Ах, если бы

вновь начать! Сколько же могла бы успеть! А самое главное переделать всю свою жизнь иначе скроить и иначе сшить.

Она еще раз вздохнула, как-то уж очень глубоко и поняла, что уже не сможет выдохнуть, потому что...забыла, как это делать!

– Вот так приходит смерть! – мелькнула мысль и женщина ушла в темноту.

Глава 2. Возвращение.

Трудно, но все же выдохнула. И открыла глаза.

– Где я? – это был первый и самый странный вопрос в моей жизни. – Я не узнаю свою комнату!

Да, действительно так и было – комната другая и какая-то странная. Даже запах чужой. Пахло то ли мятой, то ли душистым листом.

– Ах, да! Это запах лавровишневых капель! – мелькнуло узнавание.

Приподнявшись на локте, увидела около тумбочку с пузырьками и стаканом на стеклянном подносе рядом с кувшином с водой. Очень хотелось пить. Прихватив его, налила и поднесла ко рту. Пахло валерьянкой.

– Видимо меня поили этим лекарством, – хмыкнула я и тут же откинулась на спину, уставясь в потолок. – А где я? И что случилось? Это никак не похоже ни на что – ни на мою комнату, ни на больницу.

Подняв руку к глазам, увидела совсем не свою ладонь и пальцы, потом в ужасе ощупала всю себя и поняла, что тело тоже не моё. Оно было худым и молодым. Задрав длинную холщевую сорочку, осмотрела себя, на сколько смогла, с удивлением и страхом.

– Боже! Что происходит? Я в коме или уже на другом свете? – воскликнула, тут же вскочила и принялась оглядываться.

То, что не на другом свете поняла по тому, как двигались мои пальцы, ощупывая себя и задирая рубашку. Все было естественным и уж больно реально. Сев на край кровати, свесила ноги. И только тут поняла, что тело двигалось. Еще раз осмотрела свои руки, подергала пальцами ног, подняла голову и осмотрелась.

Комната представляла собой спартанскую обстановку, больше похожей на комнату прислуги где-то в конце девятнадцатого века. Будто очутилась в романах, которые сама же и переводила. Тем более что книга, которая лежала на краю тумбочки была на английском, только вот по внешнему виду она уж никак не была современного книгопечатания, и мне это было хорошо известно. Пролистав немного, поняла, что это один из неизвестных мне любовных романов и тут же положила обратно. Еще раз оглядела комнату. Окно со старинными плюшевыми шторами на шнуrowых подвязках, комод с тремя ящиками и зеркалом в тяжелой оправе над ним, стулья и небольшой бювар для письма, а также высокий

резной шифоньер с двумя дверцами и латунными ручками под ключ. На полу лежал небольшой коврик для ног и стояли уютные теплые тапки без задников. Рядом в кресле скомканно лежало платье пепельно-розовое в темную-серую полоску и темный фартук. Около разбросаны были ботинки на пуговицах и небольшом каблучке. Все это как-то сразу заставило думать, что я в каком-то явном и четком сне, но уж точно не на том свете. Только где?

Негромкий стук в двери и нежный женский голос доказал мне, что все что вижу сейчас более реально, нежели собственные мысли о случившемся.

– Мэгги! Дорогая! Можно мне войти?

– Да-да! – поспешно ответила я и тут же прикрылась концом одеяла.

В комнату вошла полная женщина средних лет с подносом, на котором стояла чашка с дымящейся жидкостью.

– Я принесла тебе горячего шоколада. Как ты себя чувствуешь? Вчера доктор сказал, что твое падение не сильно отразится на здоровье.

– Я упала? Как это случилось? – ответила я, следя за действиями женщины в такое же платье и фартуке, что лежало рядом.

– Ты ничего не помнишь? – вопросительно уставилась на меня женщина с добрым лунообразным лицом. – Бедняжка! Ты же упала с лестницы и прокатилась по ней в два пролета. Мы уж думали, что ты умерла, так было страшно смотреть

на твое бледное лицо и закатившиеся глаза. Но потом Томас отнес тебя в комнату, и мы вызвали доктора. Он сказал, что была остановка сердца. То есть, ты точно умерла. Мы уж было расстроились, как ты вдруг задышала, открыла глаза и сказала... «пустите кошку». Мы удивились твоим словам, но обрадовались, что жива. Правда, наша мадам хозяйка узнав про это спросила о чем ты говоришь, и доктор сказал, что это галлюцинация и последствия падения и удара. Приказал напоить тебя этими лекарствами и дать поспать. Вот все и обошлось, слава Господу!

Она перекрестилась и подала мне чашку, которую я выпила до дна. Вымученно, от сознания, что совсем пропала, улыбнувшись ей, спросила:

– А как вас зовут? Совсем не помню. Видимо точно что-то с головой.

Она внимательно посмотрела на меня и тут же присела на край стула.

– Точно ничего не помнишь?

Я решительно кивнула.

– Меня зовут Лора, Лора Каймакл, и я первая горничная в этом доме и также камеристка миледи, леди Пенелопы Стивенс.

– А кто я здесь? – с растущим волнением задала вопрос.

– А ты здесь вторая горничная, или как мы говорим, младшая горничная.

– Дорогая Лора, можно мне так вас называть? – уставилась

я на нее с просьбой в глазах.

Та кивнула.

– Расскажите мне обо всем. Я решительно ничего не помню!

Она посмотрела на меня внимательно и качнула головой.

– Доктор был прав, если ты об этом просишь.

Тут она легко вздохнула и оправила фартук на коленях.

– Еще есть у меня пару минуток и я поведаю тебе о нашем доме и его обитателях, раз ты все забыла.

Я вымученно улыбнулась и, закутавшись в одеяло, плотней, приготовилась слушать рассказ о моей нынешней, вынужденной, как я поняла, жизни в образе молодой девушки служащей в доме пожилой матроны в роли горничной.

– Нашу хозяйку зовут леди Пенелопа, как я уже говорила, живет она на втором этаже и там же находятся комнаты ее сына мистера Дэна и его камердинера и лакея Томаса. Моя комната и кухарки Роуз Лесли здесь же, на третьем этаже, как и твоя. Главный здесь дворецкий Джим Картер. Он проживает здесь вместе с нами. Вот, пожалуй, и все, кто служит в этом доме. Так что, получается, пять человек вместе с тобой. Ты все-все забыла? Точно? – вперила она свой недоверчивый взгляд в меня.

Я вновь утвердительно кивнула.

– Ладно! – успокоилась она. – Мадам сказала, что ты можешь полежать, раз такое случилось. Если захочешь все же встать, то не забудь переодеться. Помнишь, что после трех

дня мы надеваем темное платье и белый передник?

Я сделала удивленные глаза.

– Да, ты и этого не помнишь? – ахнула она, сцепив ладони.
– Ну, тогда знай, что утром мы надеваем только ту форму, что лежит здесь. – Она показала на кресло, где лежало розовое в полоску платье. – А вот после полудня переодеваемся в другую форму для чайного полдника и встрече возможных гостей. Сегодня их не будет и поэтому хозяйка милостива к тебе. А если захочешь выйти, то иди прямо на кухню. Помнишь где это?

Она вновь с недоверием взглянула мне в лицо. Я отрицательно качнула головой.

– Ох! – выдохнула она, с жалостью глядя на меня. – Все подсобные комнаты и кухня находится в подвальном помещении. Там же мы собираемся поесть и занимаемся своими делами. Там же отдыхаем и общаемся.

Я закрыла ладонями лицо, будто показывая, как мне неловко.

– Мне так стыдно, дорогая Лора, что я ничего не помню, – тихо всхлипнула я, натужно выдавливая слезы. – Вы уж простите меня!

– Ну, что ты, душа моя, – вдруг привстала она и присев рядом, приобняла за плечи. – Мы очень беспокоились за тебя. Мы все, даже хозяйка. Так что, не переживай! Все будет хорошо! А теперь ложись и отдыхай, набирайся сил.

Она похлопала меня по руке и вышла, тихо прикрыв две-

при забрав поднос с чашкой.

Оставшись одна, тут же резко выдохнула. Все это время я была на краю, не понимая ситуацию и не понимая, что делать. Теперь я знала, что очутилась в новом теле, девушки, которая умерла упав с лестницы. Моя душа, ушедшая из моего мира, каким-то чудесным образом, очутилась здесь. Возможно, так и случается со всеми, кто покидает свой мир – они просто вселяются в новые тела.

– Мне повезло, я вошла в тело молодой симпатичной девушки, – сказала я вслух, рассматривая себя в зеркале.

Оттуда на меня глядело обычное лицо миловидной барышни с серыми глазами и русыми волосами. Ничего выдающегося не было в том облике, если не считать правильные черты лица и какой-то невинный взгляд юной особы.

– Видимо и лет мне немного, – хмыкнула я, поправляя негустые тонкие, слегка выющиеся волосы и осматривая себя в целом. – Роста среднего, телосложение также среднее, бледна, слегка, но это скорее от вчерашней смерти.

Тут я ахнула и присела на кровать. Зябка повела плечами и задумалась.

– После смерти... – протянула я вслух. – Ужас! Она тоже умерла, как и я. Только куда же полетела её-то душа? В кого теперь вселилась? Может быть в моем мире? Ой, только не в мое старое тело! – почему-то хмыкнула я, уже улыбаясь. – Нет, не может быть! Дай Бог, тебе, девочка, лучшей доли. А мне бы разобраться здесь как можно быстрее.

Я вздохнула и подошла к окну. Оно было мокрое от дождя.

– Какой же это год? Если судить по деталям мне известным, то сейчас конец девятнадцатого века, осень или весна, судя по мокрому окну, и я в Англии и даже, вероятно, в самой столице – Лондоне. А может быть и в Шотландии или же в Ирландии, кто знает. Еще не спросила. Хотя судя по крышам и возне на заднем дворе, куда выходят эти окна, то такое строительство домов и уложенные камнем рабочие площадки все же чаще были в центре Лондона, нежели на его окраинах. Туда все еще не дошли меры по уходу за рабочими местами даже в богатых домах. Слишком много требовалось денег, да и хлопотно это.

Тут я вздохнула.

– Все же необходимо узнать обо всем. Только задавать вопросы надо осторожнее, чтобы не показать, что уж совсем ничего не знаю. Мало что могут подумать! Здесь все еще полно и предрассудков и недоверия. Кроме всего, местные больше доверяют священнику, нежели школьному учителю, когда дело касается переселения душ. А те бывают разными и к тому же чаще реакционными, поэтому надо помалкивать. Все произойдет со временем. И как хорошо, что у меня отличный английский! Может быть, именно поэтому меня сюда и направили?

Я постояла немного и решила все же идти навстречу судьбе, чем сидеть в неведении.

– В общем, известно, что упала, потеряла память, о чем тут же будет сообщено среди слуг после посещения Лоры. Теперь мне нужно взять себя в руки и спустится вниз. Только куда идти и как найти ту самую кухню?

Я молча переоделась в то платье, что лежало рядом, умылась холодными остатками воды из кувшина, причесалась, приколов на темя белую заколку из атласной ленты и мелких кружев, что лежала рядом со щеткой для волос. Оглядела себя в зеркало и осталась довольна.

– То, что бледна и что взгляд слегка испуганный, можно списать на падение, как и мои вопросы, – думала я, стоя перед выходом из комнаты.

Еще раз оглядела ее и поняла, что не увидела электрической лампочки, что свисала с потолка. Тут я улыбнулась.

– Значит, все-таки уже есть электричество и оно проведено в домах. Значит конец девятнадцатого века, а это замечательно. Значит, есть и водопровод и канализация, даже поезда и возможно открыто метро. Кстати, когда оно там появилось? По-моему в шестьдесят первом году? Верно. Так что нужны обязательно газеты. Там у меня будет полная информация. Ну, Господи благослови!

Тут я перекрестилась и вдруг вспомнила, что даже креститься тут нужно уметь, то есть слева направо и при том двумя пальцами.

– Как бы не облажаться! – хмыкнула я и толкнула двери.

Шла по коридору по наитию и скорее по тем немногим отрывкам из книг с описанием дорогих домов. Было достаточно светло от электроламп и светлых стен и потолков. Пол деревянный, паркетный, панели тоже из светлого дерева. Пройдя немного, увидела спуск по лестнице. Дошла до второго этажа и заглянула в коридор. Увидела, что он уже богаче выглядит и там, на паркет положена ковровая дорожка, по стенам вместо лампочек на шнурах прикреплены бра с хрустальными подвесками. Было несколько дверей, а в середине между ними открытое пространство с перилами. Осторожно прошла к ним и глянула вниз. Передо мной открылось большое фойе и огромная хрустальная люстра, что свисала со сводчатого потолка. Сам потолок поддерживался четырьмя колоннами и украшался к тому же большими арочными окнами с вставками из витражей цветного стекла. Свет, что пробивался сквозь них, оставлял на натертом до зеркального блеска паркете, цветные пятна, делился на разные лучи и играл, подражая калейдоскопу. Я даже засмотрелась. От приятного созерцания меня оторвал строгий мужской голос.

– Мэгги? Ты встала? Как себя чувствуешь, девочка?

Я резко обернулась. Ко мне подходил взрослый мужчина пожилой, лет шестидесяти. Его фрак и рубашка были безупречны. Как и весь облик.

– Неужели дворецкий? – почему-то подумалось мне, глядя на высокомерное и в то же время властное лицо. – Как его там? – вспоминала я. – Кажется, Джим Картер.

– Все в порядке, мистер ...Картер! – присела я в легком поклоне, с ужасом думая, угадала ли. Если нет, то сошлюсь на падение. – Я уже лучше себя чувствую.

Тут он внимательно посмотрел на меня.

– Рад это слышать, мисс, – ответил он, даже не улыбнувшись, все также строго глядя. – Вы нас слегка испугали. Надеюсь, ваше падение не станет мешать вам, исполнять ваши обязанности?

– Уф! – выдохнула я про себя. – Угадала! Слава Богу!

– Нет, мистер Картер, – вновь склонила я голову. – Могу приступить тут же.

– Хорошо, – ответил он, уже слегка улыбнувшись. – Спускайтесь на кухню. Там вам оставили обед.

– Спасибо, мистер Картер, – присела я в поклоне.

Он еще раз взглянул мне в лицо, будто удостовераясь моей вменяемости, и прошел дальше по коридору. Куда он направлялся, я не знала, так как срочно сбежала вниз по боковой деревянной, с резными перилами лестнице и бросилась, увидев там проход и ступени в подвальное помещение. Я не хотела встретиться еще и с хозяевами, так как еще не поняла где я, кто я, и что теперь делать. Но, по крайней мере, теперь знала в лицо двоих – камеристку-горничную Лору и дворецкого Картера. Теперь же мне нужны были кухарка Роуз Лесли и лакей Томас Бонневиль, как сказала мне моя спасительница.

Не дойдя до последней ступеньки, по запахам и гулу голо-

сов, поняла, что скоро попаду в кухню. Сделав еще один поворот, сошла с двух последних, и тут передо мной открылось место, в котором и будет проходить моя основная часть дня.

Глава 3. Кухня-столовая.

Это была небольшая столовая, судя по овальному столу посередине и нескольким стульям вокруг. Одно окно освещало помещение, и было слегка темновато. Оно было на уровне земли, за которым виднелись ноги прохожих, скорее их обувь. Да и все-таки время было осенне-весеннее, я еще не знала какое время года, и день дождливый, пасмурный. Помещение освещала одна лампочка без абажура. По стенам стояли старинные резные буфеты с антресолями, в которых виднелись за закрытыми стеклянными дверцами посуда и стаканы с фужерами. Рядом большой проем, за которым виднелась плита и оборудование соответствующее кухне, и там находилась полная женщина в белом переднике и чепце. Вероятно, это была кухарка. Она почему-то говорила вслух – то ли озвучивала свои действия, то ли спорила с кем-то, кого уже не было рядом. Услышав мои шаги, она выглянула и широко улыбнулась.

– А это ты, Мэгги! А я тут как всегда, проговариваю свои рецепты и меню на сегодняшний день. Как ты себя чувствуешь?

При этом она вышла мне навстречу, вытирая руки о по-

лотенце, что висело у пояса.

– Спасибо миссис Роуз, – улыбнулась я. – Сейчас много лучше.

– А как твоя голова? – спросила она, останавливаясь рядом и заглядывая мне в лицо. – Тут Лора сказала нам, что ты потеряла память. Как же это?

– Это бывает, – улыбнулась я, разглядывая её. – Но скоро я войду в свою память. Это временно и называется амнезия. Но вы поможете мне если что?

– Обязательно, дитя мое, – улыбнулась она. – Да тебя же надо покормить! – вдруг всплеснула она руками. – Давай садись! Я принесу тебе пару сэндвичей и горячее какао. Поешь пока то что есть. На ужин я приготовлю хорошее мясо. Тебе надо набраться сил.

Я присела за стол и еще раз огляделась. Был какой-то своеобразный уют во всем, что меня окружало в данный момент. Вероятно, это и была та самая аура, о которой твердят все экстрасенсы. Здесь была аура добросердечности и товарищества. Сама столовая чистенькая, ухоженная, стол, хоть и без скатерти, но вымытый и сиял в свете электроламп. Роуз, все также приговаривая, принесла мне поднос с чашкой дымящегося напитка и тарелкой с сэндвичами. От какао шел замечательный запах, и от вида их самих так захотелось есть, что услышала собственное бурчание в животе и тот час слюна заполнила рот. Поставив все передо мной, она присела рядом и, подперев рукой подбородок, взгляделась в лицо.

Я слегка смутилась, и она, поняв это, вздохнула:

– Ешь, ешь! Ишь, как схуднула с лица! Откуда будут силы на работу. Неужели ничего не помнишь?

Я с полным ртом лишь покачала головой. Она вновь вздохнула:

– Ладно. Главное, что жива. А то мы подумали...

Тут она сделала скорбное лицо и потом улыбнулась.

– Ты если что, спрашивай, не стесняйся. А что миледи? Она еще не видела тебя?

Я вновь качнула в отрицании и продолжала жевать. Допив до конца свое какао, поблагодарила её и попросила газету. Та кивнула на столик в углу. Подхватив поднос, ушла в кухню и вновь забормотала что-то себе под нос.

Я устремилась к источнику информации и нашла сегодняшней Таймс с числом на передней полосе. Там было четко пропечатано, что сегодня седьмое октября тысяча восемьсот... девяносто третьего года!

– Боже! – ахнула я. – Это же почти сто тридцать лет назад!

Я сидела опешившая и растерянная. Конечно, я понимала, что глядя на антураж вокруг, на людей, что встретились и говорили со мной, что уж точно не в современной инсталляции на тему прошлого Англии, но то, что попала именно в эту эпоху и при том в другую страну. Это было, по меньшей мере, непонятно и даже страшновато.

– Я – и горничная? – замерла, все еще сжимая в руках листы «Таймса». – Теперь мне придется как-то выживать и для

этого необходимо разузнать, что входит в мои обязанности именно в этом доме. Судя по книгам и сериалам, я буду на черной работе, то есть мыть, убирать, чистить. И всего этого я-то и не умею делать, так как в свои последние годы у меня была прислуга, которая делала всё то, что теперь предстоит и мне. При том топить камин как-то боязно. Знаю, что от них часто возникали пожары. Вот выскочит уголек и всё!

Тут я усмехнулась тоскливо и сложила газету, так и не прочитав там ни строчки. Теперь мне надо было как-то все переварить и успокоиться.

Но вот успокоиться мне и не пришлось, так как в столовую ураганом ворвался молодой, крепкого сложения парень. Он бросился ко мне, и, приподняв за плечи, воскликнул:

– А вот и ты, моя дорогая! У тебя все в порядке, а то тут Лора такого страха нагнала, что ты памяти лишилась. Надеюсь, что меня-то ты помнишь?

Я до того обалдела от такого приема, что лишь глупо улыбалась, не понимая почему «дорогая» и почему такая фамильярность.

– Может быть, мы любовники или обручены? – мелькала шальная мысль. – Надо как-то себя обозначить. Судя по всему это Томас, тот самый лакей-камердинер, что перенес тело девочки с места падения в комнату.

– Отпусти меня, Томас! – еле выпуталась из его крепких рук. – У меня еще пока болит тело. И конечно, я тебя помню. Он тотчас опустил руки и смотрел на меня именно тем

самым взглядом, что мы зовем «любовным», то есть ласковым, теплым, внимательным. Но меня это несколько поколебало, и я опустила глаза. Совсем не хочется продолжать отношения, если таковые есть между этими двумя людьми. По крайней мере, мне сейчас, но в то же время нужны были и защитники в доме, в котором предстояло жить. Но что за отношения, надо выяснить обязательно.

– Томас, можно тебя спросить, а как ты ко мне относишься? И как я отношусь к тебе? – осторожно задала я провокационные вопросы.

– Либо сейчас все поставлю на свои места, либо буду медленно тащить непонятки, тем самым усугубляя и без того незнакомые отношения.

Томас уставился на меня с удивлением, а потом вдруг улыбнулся, будто вспомнил что:

– Ах, да! Ты же ничего не помнишь! – он присел за стол и сложил руки перед собой. – Так вот если ты не возражаешь сейчас, то мы с тобой просто друзья!

Тут я так откровенно вздохнула с облегчением, что парень просто рассмеялся.

– А ты что подумала?

– А вдруг мы любовники, – ответила я с улыбкой.

Он удивленно вскинул глаза и тут мы оба рассмеялись. Присела рядом и внимательно рассмотрела теперь его лицо. Черноволос, черноглаз, хорошие крупные черты. Я бы даже сказала, что красавчик, если бы не портившие его усики в

стиле Пуаро, за которыми, судя по всему, он тщательно ухаживал и даже напомаживал, как и волосы, что сверкали под электролампой, расчесанные на пробор посередине темени. А, в общем, он во фраке и белой рубашке был привлекателен и приятен для глаз.

– И хорошо еще, что сразу выяснила наши отношения, – думала я, разглядывая со всех сторон того, с кем мне придется делить не только работу, но и досуг.

– Иди переодеваться, – услышала я голос за спиной кухарки Руоз. – Скоро будет полдник и надо подготовиться к подаче чая мадам. Кстати, она хотела тебя видеть.

Я кивнула и быстро вышла из кухни. За спиной слышала голоса Томаса и кухарки. Они говорили обо мне. Что это было, не хотелось слышать, так как мне необходимо все обдумать и переодеться.

Я без труда нашла свою комнату и тут ж заперлась. Присела на стул и охватила лицо ладонями, закрыв глаза. Отчаяние, прихватившее меня после встречи с Томасом, постепенно отпускало, но впереди встреча с мадам, то есть с леди Пенелопой. Кто она, сколько ей лет, как она относится ко мне? Все эти вопросы теснились в голове, и необходимо было брать себя в руки и начинать осваиваться не только с телом, но и с обстоятельствами. Я понимала, что предстоит ой, как много работы не только физической, но и моральной, тем более что все, что окружало меня сейчас, было незнакомо и даже неприемлемо.

– Горничная, прислуга! – горько усмехалась я и тяжело вздыхала. – Как все это принять?

Нет, я не боялась самой работы, уж убирать, мыть и чистить смогла бы, покажи, что и где, но вот улыбаться, когда не хочется, терпеть обиды и молчать, когда несправедливо, не показать свой настоящий характер, если девочка была миленькой и глупенькой, судя по всему. Можно сослаться на потерю памяти, но временно, иначе сошлют к доктору, а тот в тот самый дом, о котором писал Достоевский и многие другие авторы. В частности её любимый Чарльз Диккенс – великий гуманист того времени, писавший об ужасах, ожидающих женщин в приютах и сумасшедших домах. Так что мне совсем не хотелось в Бедлам – известном доме в Англии.

Я вздохнула и принялась за переодевание. Открыв шкаф, увидела несколько платьев скромного цвета, состоявших из юбок и блузок, или как здесь говорили, лиффов. Среди них было темно-синее с белым передником. Это я и надела. Поправила волосы перед зеркалом и пошла вниз, чтобы предстать пред очи хозяйки дома леди Пенелопы Стивенс.

Не без робости я вошла в комнату, где сейчас находилась и Лора. Она подавала хозяйке чай, расставляя чашки сервиза на подносе. По их количеству, я поняла, что должен быть еще кто-то и им, скорее всего, будет сын хозяйки, как мне прежде говорила Лора, сам Дэн Стивенс.

– Вот и увижу всех разом, – подумала я, склоняясь в поклоне у самых дверей.

Комната, куда я вошла, была похожа на гостиную, которую я не раз встречала в описаниях английских авторов. Этим они мне помогли слегка освоиться и не таращиться от антуража комнат второй половины девятнадцатого века. Окна и двери арочного вида, с бархатными шторами, ламбрекенами и шелковыми шнурами, стены и потолки голубого цвета, как и все, что можно было заметить в этом помещении: вазы с цветами и без, ковры и обивка мебели, даже подушки, во множестве находившиеся на диванах, креслах, пуфиках – все имело этот оттенок.

– Голубая гостиная, – мелькнула мысль. – Интересно.

Я заметила на стенах огромные картины в богатых золоченых рамах, портреты разных эпох, канделябры и большая хрустальная люстра под потолком. Все дышало богатством и роскошью. И среди этих атрибутов пышности резко выделялась тщедушная фигура в темном платье и седых кудрях. Она была как будто из другой оперы, как говорится, совсем не похожей по моим сведениям на хозяйку данного дома, со статуями у входа, с колоннами в фойе и вычурной мебелью не только в комнате, но и в холле. Когда я проходила по нему, то обратила внимание, что там все было в зеленых, скорее салатовых тонах. Здесь же в голубых.

– Видимо, каждая комната определялась в названии тем цветом, которое давало убранство и стиль, – хмыкала я, рассматривая все это по ходу. – Интересно, какие у них спальни? А есть еще и кабинет с библиотекой. Вот где надо побы-

вать.

С такими мы мыслями я и вошла в комнату к мадам. В этот момент она принимала из рук Лоры блюдо с чашкой чая. На звук открывающейся двери обе обернулись. Лора тут же мне улыбнулась, а хозяйкин взгляд был удивленным и слегка недоумевающим.

Я присела и склонила в кивке голову.

– Здравствуйте, миледи. Вы просили зайти.

Она замерла, потом кивнула в ответ и приняла чашку.

– Подойди ко мне, дитя мое, – показала она кивком головы двинуться мне вперед. – Как ты себя чувствуешь? Мне сказала Лора, что ты потеряла память? Может быть, показать тебя доктору?

– Нет, не надо миледи, – ответила я. – Это частичная амнезия. Вскоре все восстановится.

– О как! – сделала та удивленные глаза. – Ты уже знаешь и такие слова!

Тут я прикусила язык.

– Надо быть осторожнее в выражениях. Хоть её и любили здесь все, но все же за наивность и простодушие, а не за образованность и энциклопедизм. Придержи коней, мать! – мелькнула мысль и я потупилась.

– Так говорил доктор. Я вспомнила, – попыталась оправдаться я.

– Хорошо, – кивнула она и приложилась к чашке. – Ступай. И если почувствуешь себя плохо, то сообщи дворецко-

му или Лоре. Сегодня отдыхай.

Она махнула рукой и отвернулась, потому что в это время открылась дверь с другой стороны гостиной, и вошел молодой мужчина лет тридцати. Он был одет в светло-серый сюртук с белоснежной рубашкой и темным галстуком-бабочкой в цвет его штанов, заправленных в сапоги. Светлые волосы его с карими глазами составляли портрет красавца мужчины. Точеные черты лица и весь облик холеного денди говорил сам за себя. Глаза, что остановились на мне, были холодными и равнодушными. Он едва кивнул мне на мое приседание со словами:

– Милорд...

Это был сын хозяйки, иначе сам хозяин сэр Дэн Стивенс, лорд и баронет, один из обедневшего, но известнейшего семейства Лондона, как я узнала потом, расспрашивая Томаса в кухне после ужина. И еще я попросила рассказать немного о нем, выйдя с ним на улицу, когда тот захотел курить. Роуз не позволяла дымить в столовой. Там он поведал мне о хозяине многое, в чем я была ему благодарна.

– Вот что значит быть близким к хозяевам, – хмыкала я про себя.

Камердинер, да и все слуги знали о тех больше, чем они сами о себе, так как подмечали детали, ужимки и повадки своего босса. Без этого наблюдения невозможно обслуживать и угадывать любое телодвижение работодателя. Об этом знали все хозяева и не удивлялись их осведомленности и да-

же сами доверяли свои мысли и секреты. Найти и привыкать к новому обслуживающему персоналу для хозяев просто бессмысленная трата времени и сил. Поэтому все знали всё и обо всех. Редко кому удавалось скрыть что-то от внимательных и любопытных глаз. Особенно от слуг в доме, где их, по сути, было мало. Все вместе жили одной семьей, и мне предстояло влиться в неё со своими тараканами.

Об этом я уже думала лежа в постели. За окном разыгралась непогода, и дождь стучал в стекла, будто предупреждал меня, что жизнь моя будет не сахар. Я вздыхала и вертелась. Сон как будто не хотел посещать мое молодое тело. Голова была полна мыслей и переживаний.

Теперь я должна познакомиться и со своей работой, о которой мне поведала Лора, когда попросила объяснить обязанности младшей горничной. Они были просты и в то же время физически тяжелы. Так я думала, вспоминая её рассказ: все поправить и смахнуть пыль в гостиной, очистить камин не только там, но в комнатах хозяина и хозяйки, протереть полы и помогать кухарке на кухне и в столовой. Там тоже мыть полы, убирать и чистить овощи для обеда и ужина. Мыть посуду и готовку исполняла сама повариха. Так что, хотя бы в этом мне не надо было принимать участие.

– В общем, вся тяжелая работа на моих хрупких плечах, – вздыхала я, совсем не представляя, что будет со мной, и как я справлюсь с делами.

Все же кое-как мне удалось уснуть.

Глава 4. Хозяйственные хлопоты.

Все началось с утра.

Лора, по моей просьбе, разбудила меня. Время было около семи. Быстро оделась в рабочее платье и темный передник, как предписывалось правилами, и побежала в столовую, чтобы поздороваться со всеми, выпить горячего чая и получить указания дворецкого Картера. Так мне сказала Лора, когда я спросила её о начале дня.

– В общем-то, каждый знает свои обязанности, но иной раз Картер дает распоряжение от миледи на целый день – если будут вечером гости, или же поедут сами куда-то. Так что присутствие всех обязательно. Да и тебе надо будет показаться, чтобы мистер Картер увидел тебя здоровой. Он заботлив, но строг, не спускает никому, кто, так или иначе, отлынивает от своей работы. Ты не должна на него обижаться, как раньше.

– А я что, обижалась на него за что-то?

– Конечно, – вздохнула она. – Он напоминал тебе постоянно, что делать дела нужно молча и быстро. Ты обижалась на его замечания.

– Ах, как мне не хватает более полной информации о моей предшественнице! – вздыхала я про себя. – Кто она, откуда попала в этот дом? Ведь так просто не наймешься, особенно в это время. Все хозяева требовали рекомендаций. Да

и дворецкий должен был сто раз проверить и перепроверить человека, входящего в резиденцию своих хозяев, так как всю ответственность за слуг нес он. Судя по всему, эта девушка попала не просто так, кто-то привел её в этот дом. И, судя по всему, взяли без рекомендаций. Значит, тот, кто привел, имеет какое-то отношение либо к дворецкому, либо к самим хозяевам. Это-то мне и предстоит узнать.

Я кивнула, соглашаясь, а себе взяла на ум, что не буду вступать в полемику ни с кем пока, буду тихой мышкой, но очень внимательной и осторожной.

Мой первый рабочий день в роли горничной был трудным во всех отношениях. Во-первых, я не знала, куда можно входить, куда нельзя, где необходимо перед этим стучать, где просто открывать двери без стука. Во-вторых, я плохо ориентировалась в собственно своей работе: где взять орудия труда, куда выносить отходы, что необходимо сделать тот час или можно оставить на потом. В общем, не столько делала, сколько тыкалась, как слепой котенок, что выматывало гораздо больше, чем сама работа. За это время я выслушала немало замечаний дворецкого, странных взглядов мадам, и даже удивленный взгляд хозяина, когда я вперлась без стука в его спальню. Тут меня, слава Богу, подхватил под руку Томас, и вытолкнул за двери.

– Ты с ума сошла! – зашипел он, вглядываясь в мое недоумевающее лицо. – А если бы он был раздет? Здесь я убираю сам. Поняла? Иди вниз в библиотеку. Там убери пыль. Толь-

ко не трогай ничего на столе. Он этого не любит. Давай-давай!

Он легонько подтолкнул меня в спину и я, оглядываясь и проклиная себя, поспешила вниз в кабинет, который был и библиотекой. Здесь я еще не была и поэтому поразилась роскошью, сочетающуюся с рабочим настроением хозяина. Стол действительно был в завале, по стенам от потолка до пола полки и антресоли, заполненные книгами и какими-то свернутыми в рулоны бумагами, газеты же лежали везде, где только их положил хозяин. Кстати, свежие ему приносили за завтраком, преждевременно проглаживая их утюгом. Об этом я спросила Томаса, заставшего за этим делом, и тот пояснил, что типографская краска еще не успела высохнуть, и приходится бумагу слегка подсушивать, чтобы руки не пачкались при просмотре.

— Надо же, какие нежности при нашей бедности!— хмыкнула я и отложила в памяти. — Ох, как много еще предстоит узнать, чтобы не облажаться!

Я стояла и смотрела, с чего начать, и решила, что начну с обзора всего, что поразило, то есть с количества книг. Здесь была и лестница, по которой можно было достать и верхние полки. Быстро прибрав несуществующую пыль, так как уборка каждый день оставляла мало заметную грязь, мельком глянув на бумаги и карты на столе, решила познакомиться с самой библиотекой. Пробежалась взглядом по названиям и поняла, что здесь мало художественной литературы. В

основном были тома энциклопедий, морских уставов и по политэкономии. Кто Дэн на самом деле и чем занимается, я пока не знала, но уже догадывалась, что морские дела ему известны.

– Он либо кораблестроитель, либо офицер флота, – думала я, скользя по книгам, стоящим на полках и лежащим на столе и креслах. Развернутые карты тоже не трогала, лишь рассмотрела очертания материков, каких-то течений, рисунков и меток в морском стиле.

– Ладно, – хмыкнула я, прихватив ведро со шваброй, – спрошу об этом Томаса. Он скоро привыкнет к моему любопытству, и не будет так реагировать, как сегодня. Особенно, когда я ворвалась в комнату хозяина.

– Можно подумать, что я голого мужика не видела! – хихикнула я, представив, что бы смогла увидеть, будь тот раздет.

Тут я даже пожалела, что такого не случилось, а как бы хотелось. Он мне приглянулся, и я бы не прочь завести с таким интрижку, будь в своем времени и молода, как сейчас.

– Но здесь ни-ни! – грустно вздохнула я и подняла свои рабочие причиндалы, чтобы отправиться в гостиную, куда скоро должна спуститься сама мадам. Она поздно вставала и завтракала в своей спальне, и поэтому гостиную можно было убирать в последнюю очередь. Так мне объяснила Лора.

Выходя из убранного кабинета, столкнулась с хозяином Дэном. Он взглянул на меня и посторонился, пропуская впе-

ред.

– Доброе утро, сэр, – присела я перед ним. – Ваш кабинет я уже прибрала.

– Спасибо, Мэгги, – мельком глянул он на меня и тут же прикрыл за собой двери.

Постояв немного, вспомнила его равнодушный взгляд и, подавив вздох разочарования, двинулась в гостиную.

– Потом мне еще убирать фойе и лестницы, – вспоминала я свою работу. – Двигай булками, мать! Хватит пялиться на мальчиков. Он не про тебя, мелкая дуреха! Вишь, как мимо взгляд уводит! Эх-ма! Был бы ты в мое время и в моем мире, я бы тебе показала, что значит красивая девчонка, при том иностранный язык знает. Английский, между прочим. Хотя, что это я размечталась! Здесь-то он собственный, местный! – хихикнула своим мыслям.

Потом задумалась.

– А что же тогда мне предъявить, если больше ничего не знаю? Немного французский, что учила в универе? Нет? – и тут же стукнула себя по лобу. – Русский! Здесь же он считай иностранный! Ага, смогу быть переводчицей! Ура! Хотя, что это я! – вспыхнуло в сознании, отчего даже остановилась посреди работы, опустив руки с метелкой. – А как скажу, откуда я так хорошо его знаю? Не рассказывать же байку о своем перемещении из тела в тело, из мира в мир? Эх, жалко, такой кус пропадает! Но все равно надо иметь на будущее. Кстати, порыскать и поискать здесь российское посольство. Там же

возможно предложить свои услуги.

Тут я совсем развеселилась так, что стала напевать себе под нос веселую песенку про Винни Пуха:

– Куда идем мы с Пятачком,
Большой, большой секрет,
И не расскажем мы о нем,
И нет и нет и нет!

Я убирала уже в фойе и пела почти вслух. По крайней мере, меня вдруг окликнул мужской голос с антресолей:

– Мэгги! С чего это ты опять распелась? Заканчивай, давай, и поспеши на кухню. Завтрак ждать не будет.

Я опешила и тут же с ужасом подняла глаза, боясь увидеть там хозяина голоса, а именно дворецкого, но там его уже не было.

– А пела-то я на русском! И если он спросит, что говорить? А-а-а! Скажу, что на немецком. Он похож немного. Да и дворецкий его все равно не знает.

Шумно выдохнув. Прихватив свой рабочий инструмент, помчалась вниз по лестнице в умывальник и затем в столовую.

Все уже сидели за столом и переговаривались. При моем появлении весело зашумели.

– Ну, как ты? Освоилась? Вспомнила свою работу? – приглушив голос, спросила Лора, склонившись к моему плечу.

– Ага, – кивнула я, придвигая поближе тарелку с овсянкой, щедро политой маслом. – Только есть несколько вопросов, но это потом. Ладно?

– Конечно, – улыбнулась женщина.

Мы ели очень вкусную кашу, запивали какао и бутербродами с сыром и джемом. Все едва переговаривались, но в основном по поводу погоды, последних домашних новостей, сегодняшнего обычного дня без гостей. Я была несказанно рада этому обстоятельству, так как мне бы предстояло еще и прислуживать то дворецкому при приеме у входа в дом, то в самой гостиной, если предстояло много народу. Как себя вести, что делать, Лора мне подсказала бы, но быть все же неумехой подозрительно, так как, судя по тем же рассказам, она, эта девушка Мэгги служила здесь уже больше года. Лора также поведала мне немного и о ней самой.

Мэгги была из пригорода и поступила в дом по счастливой случайности. Как-то Лора с хозяйкой посещали только что открывшийся большой Пассаж на Гранд авеню в центре столицы. Там, у входа случилась заминка – упала в обморок молоденькая девушка. Как потом выяснилось от голода. Одетая была прилично, даже в ушах были маленькие золотые сережки с камушками. Их я потом нашла в коробочке в ящике комода, когда знакомилась с бельем девушки. Там же лежал еще такой же золотой крестик на тонком черном шелковом шнурке. Видимо, католический. Она не носила его, не хотела показывать своей религии, ведь Англия протестантская, а

такой атрибут носили только католики.

Девушку без сознания внес какой-то мужчина с криком о помощи, и многие обернулись и подошли. В том числе и они с мадам. Здесь же в толпе оказался доктор, который и определил, что это за обморок. Прибежали стража и полицейский, пытались взять ситуацию в свои руки и определить девушку в участок «за неосознанное поведение в общественных местах, нарушающих порядок», так сказал тот представитель власти. Лора тогда заохала, а хозяйка заинтересовалась и расспросила девушку.

– Всегда была любопытна. Как говорится, хлебом не корми, дай только сунуть нос куда хочется.

Так охарактеризовала она нашу мадам, и я тут уже поняла, что надо держать ухо востро, раз уж она такая «носатая Варвара».

– А не скажешь! – вспомнила я тщедушную фигурку сморщенной дамы с седыми буклями и темной одеждой.

На вопрос к Лоре, почему это хозяйка ходит в темном, она ответила, что после похорон Стивенса-старшего, то есть мужа и отца Дэна она так и не снимает траур.

– Можно подумать, что она так уж жалела его уход! – тогда фыркнула Лора. – Уж хуже мужа нельзя было и придумать! Картежник, бабник и мот!

Она только что не плюнула в тот момент, когда рассказала мне подноготную семьи, в которой служила уже более двадцати лет.

– Ей ли не знать! – кривилась я, понимая, что еще много семейных скелетов в шкафу мне предстоит увидеть и услышать.

Так вот, эту девушку старая мадам расспросила и предложила свою помощь в виде служения младшей горничной.

– А как же она так вдруг с улицы считай? – удивилась я.

– Она и сама потом как-то опомнилась и попросила уже сына вызнать про тебя. И оказалось, что попала пальцем в небо, – усмехнулась Лора. – Ты не помнишь себя в прошлом?

Увидев мое отрицательное покачивание головой, продолжила.

– Ты, оказывается, из приличной семьи младшего поведенного. Отец твой погиб под колесами омнибуса, как-то в тумане, когда шел с работы, а мать умерла от туберкулеза еще ранее, когда тебе было десять. Осталась ты без средств к существованию и искала работу. Но кто возьмет тебя без рекомендаций в приличную семью! Вот ты и бродила по городу в поиске работы. Хотела попасть в этот Пассаж на место продавщицы, но не дошла и упала в голодный обморок. Сказала тогда, что не ела три дня. А продавать было уже нечего. С себя снимать последнее не хотела, а сережки и крестик – это всё что осталось от матери. Так что тебе крупно повезло столкнуться с нами в тот день. И вот уже год, как ты работаешь здесь, и все привыкли к тебе, да и ты к нам тоже. А упала ты по глупости, просто зацепилась нога за ногу, как говорится. Все топишься куда-то, торопыга! – заключила она

свой рассказ.

Теперь я была в курсе кто эта Мэгги, откуда она, кто её родители и как сюда попала. То, что ей, то есть мне сейчас восемнадцать и, то что умею читать и писать, мне было приятно и я легко передохнула, вспомнив, как ринулась в первый день читать газету.

– Вот бы Роуз удивилась, если я бы показала то, что мне было не свойственно! Слава Богу, что все обошлось! Но теперь надо постоянно оглядываться и присматриваться, мало ли что.

После завтрака, мы вышли курить с Томасом. Нет, конечно, я не курила, но мне было интересно задать вопросы по Дэну, и только он мне мог на них ответить. Так я узнала, что была права, что Дэн морской офицер и скоро должен уйти в поход.

– Сейчас он в отпуске перед службой. Их отпускают, когда они идут на войну.

– Какую войну? – опешила я.

– Так с Францией, – усмехнулся он. – Ты не помнишь, как мы все обсуждали эту новость буквально за день до твоего падения?

– Не-а! – мотнула я головой. – А ну-ка напомни мне кратко, что такое?

– Наш хозяин уже объявил, что должен уйти на войну, на ту, что может грозить ему смертью. Мы все пребывали в полном отрубе. А мадам Пенелопа так прямо в обмороке уже

несколько дней – единственный сын. И это понятно.

Тут он затаился и как-то задумчиво посмотрел на меня. Сердце мое екнуло, и я слегка покраснелась. Очень не хотелось, чтобы он погиб. Уж больно пришелся мне по сердцу.

– Еще чего! – одернула себя и смутилась. – Ведь поймет мое к нему воздыхание сразу. Ишь, как глянул! Будто буравом прошелся! Ладно! Беру себя в руки! Враг не пройдет!

– Так что за война, Томас? Просвети девушку без памяти, – толкнула я его в живот кулаком.

Тот, смеясь, согнулся, слегка поперхнувшись дымом.

– Полегче, подружка!

Откашлялся и продолжил:

– Так война эта между Англией и Францией уже идет, медленно и верно, за главенство на Средиземном море и африканских колониях. А наш хозяин офицер флота и скоро снова отбудет на свое место службы. Миледи очень волнуется, боится за сына. Понятно, на то она и мать, – вздохнул Томас. – Хотя по мне, так воевать это ужас как страшно. Тем более на воде. Если попадешь туда раненый, то точно утонешь. Это тебе не на земле. Там хоть как-то можно не умереть. Санитары там, свои ребята из отряда. А вода, что ж? Бултых и всё.

Он затоптал окурок под конец своего повествования, будто припечатывая свои мысли вслух. Я же стояла с расширенными от страха за Дэна глазами и прикрывала рот ладонью, как и положено молодой девушке от таких слов. Хотя понимала, что война на поле или на море все едино – это грязь,

боль, страдания. А тут еще и море-океан!

– Как говорится и «концы в воду»? – мелькнула шальная мысль. – Вот-вот, мужик был и нету! А, тогда как все мы? Мадам же умрет от горя! А это все кому достанется? – я обвела дом взглядом, задрав голову. – Непорядок! Хотя чего заранее беспокоиться. Может и не скоро все случиться.

Но уже вечером после ужина мы все узнали от дворецкого, что завтра состоится прием в честь ухода на войну Дэна Стивенса. Будут все его друзья, дамы и кавалеры света, а также и родственники.

Глава 5. Приём.

Я поднялась как обычно, хотя, после вчерашнего, жутко болело все тело и особенно плечи, будто я таскала целый день мешки на спине. Охая и матерясь, умылась и оделась в рабочую форму, чтобы спуститься в столовую, где, как обычно, все вместе пили утренний чай и получали новые ЦУ от Картера. Он был весь в расстроенных чувствах и даже раздражен. Гаркнул на меня, когда я пропела:

– Утро доброе всем! Петушок пропел зорьку! Пора за работу!

– Вот что я такого сделала, – возмутилась я тихонько, склоняясь к плечу Лоры, – что он так ощерился!

– Не обращай внимание! – прошептала она. – Он всегда такой, когда прием у их светлости. Беспокоится больше всех.

Ну, а нам надо быть сегодня порасторопнее, и стараться не попадать ему на глаза. Понятно?

Кивнув, тут же опустила лицо под сердитым взглядом дворецкого. Он не слышал наш разговор, но понял его смысл. Я же улыбалась, про себя конечно.

– Вооот когда увижу всю эту знать на полной картинке этого времени! И не в кино или сериале, а наяву. Жаль, что не придется вернуться в свой мир! Уж я теперь смогла бы в точности описать и предметы быта, и антураж и роли всех слоев. Хотя еще сама нигде не была, но примерно представляю, как выглядят слуги, хозяева, даже газетчики и молочник, что привозил поутру продукцию прямо к двери кухни.

Этот выход был для прислуги и находился внизу недалеко от центрального входа, если спуститься вниз по ступеням этой части здания. С одной стороны за высокой кованой оградой цвели кусты шиповника и роз, и я их вчера поливала, а с другой калитка для нас и торговцев – поставщиков молочки и овощей. Я лишь мельком оглядела квартал богатых и знатных домов, улицу, в которую был встроен и дом Стивенсов. Она была просторной, чистой и тихой. Мало проходило народу, мало проезжало карет и пролетов. Дома слепленные в одну стену, разные по этажности, но все же с некоторыми особенностями в украшении фасадов и ворот, были до такой степени холеными, будто только что прошли парикмахера с оригинальным вкусом. Все было и похожим и в то же время разным и запоминающимся. Не спутать ни с

чем. Даже входные двери не были одинаковыми. У кого все еще молоточек вместо звонка, у кого же кольцо, как на старинных замковых вратах. Двери Стивенсонов были на электрозвонке.

— Ах, как мне тогда хотелось нажать на него и увидеть почтительное приветливое лицо Картера и его приглашающий жест! Ну, ничего, — подумала я тогда как-то вдруг, — возможно все еще будет и для меня.

Потом я корила себя за глупость и странную мечту, потому что уже поняла, что мне до их милости хозяев, как ползком до Луны. И вообще в последнее время я стала замечать за собой какие-то странные игривые, не свойственные мне мысли обо всем, что видела вокруг. Даже на сердце уже не было ранее испытанного беспокойства за свое внезапное появление в другом мире. То ли я привыкала к нему, то ли уже само тело начинало действовать на мое сознание. А может те отдаленные отголоски памяти самой Мэгги возвращались в голову девушки. Теперь, мешаясь с моими чувствами, они как-то исправляли заодно и её характер и мой, прежний. Ведь там я бы ни за что не стала бы так пристально наблюдать за парнем даже в молодости, как здесь за этим странным Дэном. Не смогла бы так быстро влиться в коллектив совершенно незнакомых людей, при том другой национальности и в чужой стране. К тому же сблизиться с прислугой и самой воспринимать эту тяжелую работу, как само собой разумеющееся. Это я поняла, как только взяла в руки метелку из

перьев для уборки пыли и пошла, занятая своими мыслями почти на автомате, по комнатам и фойе. Руки сами делали то, что необходимо, без моего согласия. Тело знало все как надо, и я подчинилась ему. И правильно сделала! Впоследствии, оказалось, что и мои мозги тоже начали свою обратную работу с памятью Мэгги, то есть всплывали картинки со слов людей и теперь казались своими собственными.

Так я вспомнила действия по уборке, о подсобке, где находились мои рабочие инструменты, в какие комнаты мне следует заходить и с чего начинать. В своей комнате я уже точно знала, где и что лежит, сколько у меня денег скопилось и даже что надо сделать в будущем, чтобы выглядеть на людях как приличная девушка. Я вновь пересмотрела свои вещи, примерила на себя и поняла, что это мне не мешает, а даже очень помогает в освоении мира и окружения.

Не прошло и двух суток, как память восстановила картинки прошлого. Я вспомнила лица отца и матери, даже своей хозяйки, где мы снимали квартиру, адрес и расположение самого дома. Я бы могла найти его самостоятельно даже без подсказок. Картинки приходили постепенно и чаще всего во сне. Вероятно, чтобы я смогла более спокойно и тщательно подготовиться к восприятию ситуации. Мой разум принимал все это без проблем, как будто я смотрела немое кино, и потом легко оценивал видения. На сердце было светло и просто. Мне это ужасно нравилось, и я стала успокаиваться. Это сказалось и на моем поведении. Все уже мало обращали

внимание на мои странные взгляды и неуместные вопросы. Ответы приходили сразу же, стоило им мелькнуть в голове. И к началу приема гостей, я уже знала как себя вести и что надо делать.

Сам прием начался в восемь часов вечера. В ненастную погоду, соответствующую середине осени, было уже достаточно темно, когда начали прибывать гости. Одна за другой подъезжали кареты, и дворецкий открывал двери уже даже без звонка, слыша голоса и крики кучеров. Освещенная электричеством подъездная площадка, быстро заполнялась и так же скоро освобождалась для следующего заезда. Все было отработано, и улица не казалась такой уж забитой лошадьми и повозками, как я подумала вначале, наблюдая с любопытством, как будут расходиться в такой тесноте громоздкие средства передвижения. Еще не появились автомобили в Англии, но уже появились первые зачатки транспортного переворота во всей Европе. Метро в столице было первой ласточкой, а также светофор, что было и удивительным и странным для гужевых перевозок по улицам Лондона. Я вспомнила или вернее, мне приснилось, как я катаюсь в омнибусе по Тауэрскому мосту, держа за руку отца, и он показывает мне и реку, и Биг-Бэн и собор святого Павла, Вестминстерский дворец и Гайдпарк. Как мы гуляем в скверике недалеко от дома, и он покупает мне леденцовую конфету на палочке. Уж сколько мне тогда было лет, я не знаю, но

уж точно, не больше десяти, потому что там же всплывает очень милое и доброе лицо женщины, глядящее на меня с любовью. Скорее всего, матери. Такая фотография, стояла здесь на комодке, где я, то есть Мэгии, сидела на руках молодой женщины.

Как мне хотелось, наконец, получить выходной и отправиться по знакомым-незнакомым местам, чтобы самой посмотреть на старый Лондон и вынести уже свое собственное суждение увиденного! Но его еще надо было дожидаться. Как говорила Лора, свободное время зависит и от хозяина и от дворецкого, как они решат, без ущерба и работе и мне самой.

— Куда тебе с твоей потерей памяти? — утешала меня женщина. — Потерпи еще немного. Никуда от тебя не уйдет веселье и гульба. А вдруг ты потеряешься? Или еще упадешь в обморок? Тогда что? Тем более что тебе не нужно посещать родных, которых нет. Не то, что Руоз или Томас. У кухарки здесь семья, а у парня невеста. Так что погоди, будет и тебе выходной.

Постепенно я узнавала о каждом из прислуги, которые трудятся рядом. Так у меня были пока только отрывочные сведения обо всех. У Лоры никого не было, и вообще она с молодых лет трудилась у Пенелопы. У дворецкого Картера жена умерла уже десять лет назад. Детей не было. Он служил в доме более двадцати лет, начиная еще камердинером у самого хозяина, отца Дэна. После его смерти стал дворецким, так как был почти членом семьи, как и его жена кухар-

кой. Теперь ее заменила Руоз, а к сыну был нанят Томас. На службе у него тоже был свой денщик, матрос с их корабля.

— Один на земле, другой на море, — усмехалась я рассказам Лоры, которая с каждым днем моего пребывания в этом незнакомом мире, становилась все ближе. Наверное, она бы могла стать моей подругой, если бы не разница в возрасте с теперешней Мэгги. Все в ней мне нравилось и внешне и характер. Какая-то уютная и добрая. Меня же, как узнала значительно позже, она воспринимала как дочку, так как своих детей у нее не было, да и замужем она не была.

— Как-то не сподобилась! — засмеялась она на мой интимный вопрос.

С ней, зато, часто беседовал дворецкий, когда мы сидели по вечерам после ужина или за чаем после полдника. Там собирались все, даже кухарка Руоз, поболтать о своем, выслушать рассказы об увиденном за сутки. Лора сидела со своим рукоделием. Она обязательно что-либо чинила или подшивала свое или хозяйкино, а Томас в это время рисовал нас в своем планшете, который всегда с удовольствием показывал всем желающим. Мне тоже. Так я увидела и портрет его невесты, девушки почти моего возраста с милым веснушчатым лицом и вздернутым носиком. Судя по наброскам, она служила в магазине младшей продавщицей, и звали ее Софи. Она была из простой семьи, но не бедствовала, как мне рассказал сам Томас. Познакомились два года назад и скоро должны пожениться. А его увлечение рисованием было для

него типа хобби.

– Этим много не заработаешь! – засмеялся он, когда я спросила, почему тот не пишет настоящие картины и не выставляется в галереях. – К тому без протекции известных мастеров очень трудно получить что-то за картины, будь ты трижды талантливым.

Я понимала его, так как и в моем мире все было также.

– Меняются времена, но люди и традиции остаются прежними, – вздыхала я про себя, с удовольствием рассматривая отличные наброски Томаса.

Он работал на хорошо оплачиваемой работе, был сыт и одет и к тому же собирал деньги на свадьбу и будущую жизнь. Тем более что уж не очень-то был и занят, особенно, когда Дэн был в походах в море. Тогда у него было много свободных и легких дней, если только не приходилось прислуживать при приеме гостей. А так как больших приемов практически не было, то и его мало задействовали. Картер сам отпускал Томаса, и тот мог часами просиживать на плетере со своими рисунками, которые он потом в столовой показывал всем домашним.

Сейчас он работал как лакей и совсем этого не чурался, так как звание это было ниже, чем камердинер хозяина, как я уже знала. Вообще парень мне нравился, но чтобы так уж совсем и я смогла бы влюбиться – ни-ни! Не потому что нехорош собой, а потому что обручен. Меня прежнюю и меня нынешнюю это объединяло, было синхронно, и от этого спо-

койно и весело при общении. Друг и товарищ – вот наши отношения.

Картер встречал гостей, я же помогала ему в этом, то есть принимала от мужчин котелки и трости, от женщин меховые манто или накидки и складывала их по полкам с номерами в гардеробной, стараясь запомнить, что и куда положила. Честно говоря, мне было страшно! Как все это потом не перепутать-то! Когда я сказал об этом Лоре, то та специально сидела в том помещении и показывала мне, куда класть. Обещала при выходе помочь разобраться с вещами гостей.

– Ничего, милая, – утешала она меня время от времени, слыша мое бормотание и аханье. – Все приходит с памятью. Вспомнишь еще! Здесь бывают лишь постоянные знакомые мадам и милорда. Незнакомцев можно и в стороне держать. Так что все получится в следующий раз!

Она вскоре ушла, а я, чуток погодя, вышла в фойе, чтобы присутствовать «под рукой», как сказал мне дворецкий на всякий случай – показать мадам, где туалетные комнаты, подать принести или же убрать за кем-то, кому станет «плохо».

– Даже так! – ахнула я тогда. – Убирать за ними блевотину? А я думала они джентльмены! Так может и за дамами тоже? Только этого мне не хватало! Кошмар какой-то! Фу!

Но приготовила на всякий случай свои рабочие причиндалы. Томас и сам Картер обслуживали гостей в гостиной, где и проходил сам прием. Я же сидела за колонной фойе и

наблюдала за всеми. Там у меня был хороший обзор. Так я оглядывала дам и мужчин, прибывших в гости. В основном это были молодые люди – мужчины практически все в мундирах морского флота, тужурках с блестящими пуговицами, погонами и нашивками. Они носили кортики на золотых и серебряных поясах в зависимости от рангов. Мужчины постарше, скорее родственники, были во фраках, сшитых по заказу, и чувствовалось дороговизна сукна. Дамы же были в приталенных по бедрам лифах, свободных, но пока с турнюрами юбках и затянутые в корсеты. У некоторых до такой степени, что казалось лишенных нижних ребер.

– Как они дышат? – усмехалась я, глядя на эти утянутые талии не только молодых особ, но и стареющих женщин. – Зачем так себя уродовать! Но ничего, скоро мода поменяется, и уйдут в прошлое все эти атрибуты моды девятнадцатого века. Придут свободные платья, а с ними и нравы. Вообще через десять лет будет все по-другому, ибо двадцатый век преобразит все и всех.

И пока я так размышляла, мимо по фойе быстрым шагом по направлению к кабинету прошли сам хозяин с одной гостьей. Молодая особа была удивительно хороша в красном шелковом платье, которое так шло к ее смуглой коже и черным волосам. И вся она была как сверкающая елка в ослепительных огнях драгоценностей, стоящих, вероятно, кучу денег. Меня-то они не видели, сидящей в тени колонны, а также гостей, которые прилично шумели в гостиной. Там,

как и положено, стоял гул от смеющихся людей, шарканья ног, перемещающихся по большой комнате со столами а ля фуршет, как сейчас было принято во всех светских домах. Это раньше были долгие застолья с приемом пищи и винами до отвала, но сейчас такие столы накрывали по особым праздникам скорее семейным, а такие встречи называли раутами и были скорее легкие перекусы и спиртные напитки, которые и подавал лакей на подносе вертясь среди веселящихся гостей. Кроме того в углах гостиной были места с карточным столом и даже со столиком для дам для посиделок и разговоров по своим женским делам, скорее сплетням. Впрочем, такие же приемы остались и до моих дней. Так что меня ничего пока не удивило, кроме прохода этой пары. Они были какие-то дерганные и притихшие, будто собирались сделать что-то тайное и скорее неприличное. Уже что они там делали в течение минут двадцати, я не знаю, но поняла по внешнему виду подружки, когда та вышла первой в фойе и, поманив меня рукой, приказала отвести её в дамскую комнату.

– Судя по расхристанной причёске и сдвинутому корсету, они там не чтением литературы занимались, – чуть усмехнулась я, показывая ей дорогу в туалет.

Она попросила остаться и подождать её. Кивнув, я прилегла рядом у стены и принялась ждать. Минут через десять она показалась уже свежая и улыбающаяся.

– Все получила, вертихвостка! – хмыкнула я, окидывая её

взглядом опытной женщины. – Чего хотела, то и сделала!

Мне еще ранее сказала Лора, когда между своей уборкой в буфетной и подачей чая женщинам гостям, рассказала о возможной невесте Дэна.

– Они не обручены. Но пока не спешат, хотя и не скрывают этого, – заговорщицки оглядываясь, поведала она об этой яркой красавице, когда я спрашивала про некоторых гостей и той особенно, так поразившую меня всем своим обликом.

– Да, такая обязательно должна быть с молодых хозяином, – почему-то подумалось мне, когда впервые увидела её, королевским движением скидывая меховое манто на руки дворецкому. – Горда, богата, привыкла к вечному поклонению. Есть за что!

Теперь же, видя её в двух вариантах, уже тихо хихикала, понимая, что передовые идеи не только носятся в воздухе, но и коснулись некоторых леди феминистическим крылом. Свобода во всем, вплоть до свадьбы. Хотя для меня из прошлой жизни такое было не в новинку. Я сама не стремилась замуж и имела такие же отношения со многими кавалерами. От замужества вначале отказывалась, а потом никто и не предлагал. Так и осталась холостой. Даже детей не завела – не хотела себя связывать, а потом уже было поздно.

Усевшись вновь за колонной, принялась вспоминать свою прежнюю жизнь и каяться, что не все получила в жизни женщины – семью в полном смысле этого слова. Не хотела себя связывать заботами и ответственностью. Летела по жиз-

ни мотыльком. Вот и получила в старости одиночество, а теперь, видимо, исправление или же наказание.

– Только какое – остается лишь ждать, – вздыхала я. – А вдруг что-то страшное? Хотя Господь не посылает ничего такого, что невозможно пережить, – вспомнила я поговорку и даже тайком перекрестилась. – Спаси и сохрани!

Вечер заканчивался. Мне не пришлось сильно утруждаться, и я даже слегка подремывала на своем месте. С одеждой разобралась сама даже без помощи Лоры, которая тут же присутствовала, но помогла лишь один раз и то я смогла её опередить и подала правильный атрибут одного из гостей. Уже после, сидя в нашей столовой, расхвасталась, что не ошибалась и работала без подсказок. Лора молча улыбалась, Роуз и Томас хвалили меня, а дворецкий лишь кивал головой в подтверждении моих слов.

Так что первое крещение я приняла достойно.

Глава 6. Первый выход

Через три дня мы собирали Дэна в командировку. С утра были все в хлопотах. Особенно Томас. Ему предстояло не только уложить необходимые вещи хозяина, но и написать на бумаге, где что лежит для морского слуги. Такую же бумагу он сам получал всегда, когда Дэн возвращался со службы. Так они обменивались необходимой информацией. Он знал того денщика-матроса по имени Брэндон Коэлл, что ждал хозяина на корабле и они неплохо относились друг к другу и

даже им эта работа нравилось, потому что платили им за все время пребывания хозяина как на суше так и на море. Они кроме того имели и свободные дни и могли потратить их по собственному усмотрению.

Томас же тратил свои на невесту Софи, с которой познакомился в студии друзей художников. Она также была увлечена рисованием и проводила свои свободные дни в той же студии. Так что общее хобби свело их вместе и даже превратилось в любовь. А вскоре и в помолвку. Свадьбу они пока что только планировали. К тому же надо было решить вопрос с работой и жильем. У Томаса кроме нас и хозяев никого не было в столице. Родители и старшие братья жили далеко, в Ирландии, и туда не часто он мог наезжать. Кроме всего он расходился с ними в политических взглядах. Они рассуждали о вооруженном сопротивлении английскому режиму. Его же это не устраивало. Он был скорее пацифистом и придерживался мнения о мирном решении всех ирландских проблем. Ему были неприемлемы их радикализм и революционность. Поэтому с семьей он давно не виделся и считал себя свободным. Те же считали его отщепенцем и предателем. На том и разошлись. Вот уже почти пять лет они не общались.

Год он искал работу и четыре служил в доме. Вначале младшим лакеем, затем, когда умер старый камердинер, еще бывший у отца, Дэн взял его своим слугой, предварительно проверив по всем статьям. Уж у него-то были такие возможности. Ведь по своей работе и по тому, что сам Дэн имел дело

с секретными сведениями, он обязан был проверить близкого слугу, чтобы потом не возникало никаких проблем. Томас ему нравился. Он был грамотен, воспитан, имел хорошие манеры и мало совал нос в его дела. Со временем Дэн укрепился в своих наблюдениях. Не скажу, что доверял полностью, но считал того порядочным и честным, так как повода тот не подавал.

Так Дэн проверял всех, кто поступал к ним в дом, ведь секретные карты и бумаги он часто использовал для работы вне службы. Там он был скорее инженером, нежели непосредственно военным офицером. Он служил на научно-исследовательском корабле, связанным с техническим обеспечением баз военно-морского флота. Они тянули электрические и радиолокационные кабели к местам расположения этих баз на Средиземном море, вблизи от берегов Франции и Испании, а именно в Африке и Гибралтаре. Так что все его значки и странные стрелки, что я видела на оставленной на столе карте, и есть те самые обозначения, которыми занимался сам хозяин и если бы он узнал кто я есть на самом деле, то обязательно удалил меня из своего дома. Но славной, безалаберной, мелкой горничной он не придавал значения, так как знал, что для той это все было китайской грамотой, как говорится, вот и оставлял документы открытыми, зная, что смотреть мне было не интересно да и непонятно. Сообщать кому-то или шпионить мне не было кому, так как мою подноготную досконально проверили военным ве-

домством. Кроме того, Дэн чаще эти документы прятал в домашний сейф, и оставление на столе были единичными случаями. Больше я почти никогда не видела их, пока убирала кабинет и не трогала в его отсутствии сам стол. Иной раз он призывал дворецкого и тот сам прибирался и вытирал пыль. Ему он доверял безоговорочно. Уж сколько лет тот служил его семье и знал его отца и мать ещё молодыми! Потом и его младенцем и мальчишкой до сих годов, когда тот выучился и стал военным инженером. Именно он первым провел в свой дом электричество и сейчас устанавливал телефон. Первая телефонная станция в столице уже вовсю работала, но пока только по военному ведомству и у верховной власти. Редко, кто мог позволить себе такое новшество. Пройдет еще немало лет, когда по всей Англии заработает телефонная сеть, и появятся аппараты в домах и простых граждан. Первые же появились у тех, кому необходимо было связываться по первоочередному требованию, как например, у Дэна в доме.

Пользоваться им никто не умел, кроме самого хозяина. Был научен, правда, еще и Картер. Подходить к телефону кому-то из прислуги было строжайше запрещено. Учить нас никто не собирался. Хотя меня так и притягивал сам старинный аппарат, состоящий из держателя слуховой трубки и небольшого рупора на том стоячке. Смотреть на это приспособление было и смешно и умилительно, будто видишь первого щенка родившегося у суки, ставшей для тебя почти родным членом семьи. Так было у меня с моей питомицей

йоркой, до той самой поры пока она не издохла от старости, прожив со мной более пятнадцати лет.

Она как-то принесла мне приплод из четырех щенят от какого-то супер самца, как сказали мне на собачьей выставке, где моей питомице присудили даже диплом первой степени. Там меня уговорила одна их собачниц свести своего пса с моей и получить компенсацией за это щенка на выбор. Я как-то по глупости что ли, согласилась, но потом каялась от этого безобразия – получила много нервов, шуму и разорения, пока сука не родила, выкормила и я раздала их бесплатно своим товаркам в подарок. А вот первый щенок был для меня почти открытием. Сама принимала роды, правда по подсказке своей прислуги Александры. Той было не впервой такие дела. Она-то сама из села и там видела и даже принимала участие в окотах домашних животных. Тогда и помогла мне, или я ей, с рождением малюпусеньких щенят. Уж потом сделала вывод, что полностью откажусь от следующего помета, так как пожалела свою собачку и себя саму. Нервы нужны железные. Сначала выходить, потом отдавать их в чужие руки. Душа же болит, как будут относиться к ним, таким беспокойным, но почти родным. Правда, мне не пришлось жалеть, ведь я знала кому дарю, но все же ходить по выставкам и вообще заниматься разведением отказалась, своих дел было полно. А потом и собака состарилась вместе со мной.

Об этом мне вдруг вспомнилось глядя на телеаппарат из прошлых книг, которые сама переводила с английского. Я

же, конечно, знала, как с ним обращаться, но виду не показывала. Ах, как много я могла им рассказать о будущем, когда без этого карманного девайса уже никто не сможет обходиться! Даже бабушки вроде меня и то с удовольствием обращались к этим приспособлениям. Сегодня же вот эти милые, неказистые аппараты начинали свои первые шаги в судьбы людей. Для многих они станут переворотом и в личной жизни.

Дэна ждал кабриолет, куда были загружены чемоданы с поклажей и он сам садился под тяжелые вздохи матери и ее сухие глаза. Она уже не плакала, только смотрела пристально и с такой тоской, будто прощалась навсегда. Он же улыбался, отдавая последние замечания дворецкому. Сев в пролетку, махнул на прощанье рукой и бросил кучеру:

– Трогай!

И больше даже не оглянулся, а мы, стоявшие на пороге, все еще смотрели ему вслед. Потом все двинулись по своим местам – Лора с мадам в гостиную, а мы спустились по рабочей лестнице вниз в столовую, где Картер приказал подавать завтрак. Лора пришла позже. Она кивнула на вопросительный взгляд дворецкого, будто все в порядке с хозяйкой и села подле меня.

Ели мы почти в молчании. Все переживали за молодого хозяина. Все же он уходил на войну, и, кто знает, вернется ли. Ведь могли и его корабль потопить, не разбирая, кто и чем занимается в военной операции. Если под флагом Ве-

ликобритании, то уж прими как должное все, что касается этой страны, даже сражение, которое может стать для тебя последним.

Прощаться с Дэном также приезжала и та красавица, что считали невестой. Они пробыли в кабинете несколько часов, и я носила им чай. Все, вроде бы, было прилично. Я видела, что они сидели порознь и беседовали. О чем, не знаю, но каждый раз останавливались, когда я входила, и продолжали, как только закрывала двери за собой. По тону и глазам я догадывалась, что речь была о чем-то личном и игривом. Картер приказал мне сидеть у входа в кабинет и ждать приглашения хозяина. Я и сидела. Как-то тот вышел, и, увидев меня, приказал заменить остывший чай, а сам прошел в гостиную к матери, которая сидела там со своей очередной приятельницей. Войдя в кабинет, я как-то опешила, увидев удивительную картинку – та рассматривала карту, склонясь над столом. Мне, почему-то, показалось это странным и неуместным, но потом я лишь мысленно пожала плечами:

– Какое мое дело! Может она рассматривает не помялись ли в очередной раз бумаги на столе после их интимных ласк.

Забрав поднос, вышла из кабинета и тут же столкнулась с Дэном. Он помог мне, открыв двери. Тут я слегка задержалась из любопытства и прислушалась к щели, что образовалась от неприкрытых дверей.

– Дорогая! – услышала я голос Дэна. – Что тебя так заинтересовало? Ах, это! Карты моей работы, как понимаешь. Но

это строго секретно, милая!

– Я понимаю! – услышала в ответ курлыкающий голосок леди. – Но, дорогой, мне не понятны эти значки. Объясни, что они обозначают.

– Дорогая! Это все технические знаки. Тебе будет неинтересно. Лучше иди ко мне.

После это я услышала причмокивание и шорохи шелковых юбок. Мне было интересно до жути, что же случится дальше, хотя я понимала, что именно, но мне помешал Картер, который выходил из гостиной вместе с гостьей мадам. Шустро я помчалась вниз вместе с подносом, смеясь про себя:

– Вот уж точно здесь сыграло любопытство скорее прошлой Мэгги, чем меня нынешней. И стыдно и совестно, но так интересно!

Мне всегда хотелось узнать, так ли были чопорны в своих проявлениях люди конца девятнадцатого века, как описывают их авторы некоторых книг. Особенно женщины писательницы – Джейн Остин или же Шарлотта Бронте. По многим их романам были даже сняты сериалы, где показывали жизнь героев середины века. Но то, что я сейчас наблюдала, очень отходило от умилительно-восторженного описания писательниц.

– Может быть, они просто не хотели чернить пуританские нравы героинь или же я попала в параллельный мир, где все может пойти по другому пути, как в некоторых книжках про

попаданок? — думала я, вспоминая лукавые лица влюбленных в библиотеке. — Да Бог с ними! Мне бы разобраться здесь со своими делами. Уже пошла вторая неделя, как я переместилась в это тело, но еще нигде не была. А очень хочется!

В столовой было пусто. Все разобрались по своим делам, и только Роуз выглянула, заметив мой приход:

— Еще чаю? — спросила она и тут же нырнула обратно к своим кастрюлям, как только увидела мой отрицательный кивок.

Я присела за стол и начала представлять, как я хожу по Лондону, заглядываю в витрины, на прохожих и строения, пытаюсь узнать знакомые по всем книгам и картинам здания и антураж страны, куда меня занесло по чьей-то воле.

— Нет, надо обязательно попроситься погулять в период отсутствия хозяина. Надо же, в конце концов, выйти из дому и пройтись по столице Англии конца девятнадцатого века, раз уж так распорядилась судьба.

Все это время я не была дальше двора и части улицы, где стоял дом Стивенсов, и не знала, что происходит вокруг. Конечно, я следила за новостями по периодике, читая газеты, которые носили разносчики почты. После хозяина, конечно. Томас приносил их на кухню, и иной раз зачитывал нам интересные места. Я же самостоятельно проглатывала все, что печатали. Мне было интересно и необходимо, потому что работать горничной мне ужас как не хотелось, а найти другую работу или сферу деятельности я пока не знала. Нужна пол-

на информация и по стране и по времени. Кое-что я помнила из своего прошлого, но более глубоко никогда не копала. А здесь нужно было не только выживать самостоятельно, но и чем-то заниматься. Чем, если я совсем не технарь с передовыми идеями или медик со своими лекарствами, я всего-навсего обычный гуманитарий. Если только переводы на русский язык книг или же документов? Можно, но думаю, что эта ниша уже занята. Самой писать книжки? Но я не умею. Чем бы заняться? Надо присмотреться и понять. А без выхода из дома нечего и мечтать.

После отъезда Дэна в доме установилась какая-то сонная тишина. Я все также убирала комнаты и помогала Роуз на кухне. Правда, уже в меньшем количестве, так как кабинет хозяина был закрыт, завешены окна и накрыта чехлами мебель. Иной раз заходила туда за книгой, и то, когда не видел Картер, зная, что тот такой вояж не одобрит. Лора проводила время со скучающей мадам Пенелопой. Томас начал часто пропадать вне дома. И вот тут я уже попросила дать и мне выходной.

Картер легко встревожился за меня, но Лора его уговорила.

– Джим! Дайте же девочке немного свободы. Пусть побродит по городу, купит кое-что себе, посидит в парке. Нельзя молоденьких барышень держать в доме. Это плохо сказывается на их настроении, – улыбалась она, глядя на дворецкого с чуть лукавой усмешкой.

Тот не мог отказать ни ей, ни мне.

– Конечно! – растерянно улыбнулся он в ответ на взгляд Лоры. – Пусть идет. Только пусть будет внимательна и осторожна!

– Обязательно, сэр! – восторженно присела я перед мужчиной. – Я очень постараюсь вовремя прийти и не доставить вам хлопот. Спасибо, сэр!

Наконец! Наконец я выйду из надоевшего помещения и огляжусь в новом мире, мире моих книжных героев! Да еще и присмотрюсь, чем бы еще таким и мне заняться, раз есть опыт последующих лет, будущего, которое еще предстоит встретить вновь и мне. Из того мало что помнила, скорее отрывочно да еще в переводах. Но теперь нужно было воочию определяться. Не оставаться же вечно в горничных!

А пока я нашла в вещах Мэгги платье по моде тех лет и после быстрой приборки и завтрака, переоделась, примерила шляпку-капор, взяла вышитый бисером ридикюль и перчатки. Заранее посмотрев в окно и сверившись с утренней газетой о погоде, все же решила прихватить и зонтик. Мало ли что. Тут каждый час меняется климат. Хочется сказать в стиле дворцового Бэрримора из Баскервиль-Холла:

– Это Англия, сэр! Не стоит пренебрегать средством защиты от осадков. Это может плохо кончиться, сэр!

Я вспоминала Шерлока Холмса, его друга и соратника Ватсона и самого автора Конан Дойла, который уже жил здесь в Лондоне, и, возможно, уже писал своё знаменитое на

весь мир произведение.

— Но все это уже случилось и даже печатается в виде рассказов, а я еще так и не читала их в подлиннике, — вздыхала я.

В связи с этим очень хочется сходить туда, на Бейкер-стрит 221 и постоять у дома выдуманного героя детектива, ставшего именем нарицательным для любого следователя на земном шаре. Если он, естественно, хоть немного мог читать. А еще пошатаюсь по всем известным местам Лондона. Надо же все увидеть своими глазами. Пролетку не взяла, как советовала мне Лора, хотела пройтись ногами. Пусть немного увижу, но все же хорошенько осмотрюсь и постепенно запомню. Не в последний же раз у меня выходной!

Вышла через черный ход и остановилась, присматриваясь ко всему, чтобы вернуться домой также пешком. В конце концов, если уж так устану, то закажу пролетку. Уж кучер знает адрес, который я крепко запомнила. И номер телефона тоже, так на всякий случай.

Погода хоть и была осенняя, но все же мне повезло с солнцем. Через тяжелые тучи, оно все же проглядывало. Радовали душу и чуть пожухлая трава, и кусты с деревьями с едва позолоченными листьями и кронами, и даже худые кошки и собаки, быстро шмыгавшие по булыжным улицам города. Навстречу мне шли и ехали в каретах и колясках с открытым верхом лондонцы, одетые в теплые длиннополые пальто и цилиндры, в салопы и жакеты, со шляпками разных цве-

тов и фасонов. Скакали отдельные всадники в военных мундирах и гражданских одеждах. Ходили по центральным улицам, куда я уже вышла, дети и подростки, а также группами шли веселые студенты, затянутые в форменные куртки и фуражки, с книжками, стянутыми ремешками и шнурами. Они громко переговаривались, толкали друг друга и смеялись. Им было все интересно – и погода, и девушки, и даже магазины, в витрины которых они заглядывали, скорее углядеть там не сами вещи, а молоденьких продавщиц. Они им подмигивали, стучали по стеклам и махали руками, приглашая присоединиться к их веселой компании. Те пожимали плечами и отказывались, но все же улыбались и подмигивали. Было интересно наблюдать быт этого века, так отличающиеся от моего. Особенно это касалось общения и нравов. И не смотря на стабильный английский снобизм и приверженность к традициям, лондонцы были вежливы и приветливы, если дело не касалось денег и положения в обществе. Тут они быстренько отделяли «зерна от плевел». Их чисто английское представление о человеке всегда сводилось к титулу и обеспечению. Да, впрочем, так и везде, но в Англии это было явно и открыто.

Я бродила по улицам, заглядывала в магазины, осматривала старые здания и отдыхала в парках и сквериках. Устала невообразимо. Ноги просто гудели от ходьбы, но мне было так интересно, что дух захватывало. Практически ничего не купила, кроме гигиены и ниток для вязания. Уж этого у

меня не отнять. Узоры помнила и в этом теле и руки сами просили взять крючок. Немного попользовалась за это время Лориным, но хотелось свою корзинку сделать с рукоделем, как и положено молодой барышне. Накупила цветных ниток, лент и шнуров. Вспомнила, как еще в школе на уроках домоводства показывали нам, как делать макраме, как шить и вышивать. А еще начальные уроки по готовке и кое-что из поделок. Все это мне мало пригодилось в жизни, если только в первые годы. Но все же желание вязать крючком осталось. Я виртуозно им владела, выдумывая новые плетения. Хотелось занять руки, чем сидеть просто так в столовой в свободные часы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.